

Мафедзова Лина Муратовна

ЛИТЕРАТУРНЫЕ ГЕРОИНИ СБОРНИКА И. КАШЕЖЕВОЙ "КЕБЛЯГА"

В статье рассматривается образ лирической героини сборника И. Кашежевой, представленный в трех ипостасях: как литературный герой, родная автору и реальная историческая личность. Исследуются стихотворения первой группы с выявлением особенностей женского образа сборника "Кебляга". Образ наделяется самостоятельностью, решительностью, независимостью, т.е. чертами, присущими характеру самого автора.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2015/1-1/30.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2015. № 1 (43): в 2-х ч. Ч. I. С. 113-115. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2015/1-1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

4. Мелетинский Е. М. Происхождение героического эпоса. Ранние формы и архаические памятники. М.: Изд-во восточной литературы, 1963. 464 с.
5. Ойунский П. А. Дьлуруйар Ньургун Боотур. Якутск: ИГИ, 2003. 544 с.
6. Пухов И. В. Платон Алексеевич Ойунский // Ньургун Боотур Стремительный. Якутск: Якутское книжное издательство, 1975. С. 486-492.
7. Пухов И. В. Якутский героический эпос олонхо. Основные образы. М.: Изд-во АН СССР, 1962. 256 с.
8. Эргис Г. У. Исторические предания и рассказы якутов. М. – Л.: Изд-во АН СССР, 1960. Т. 1. 322 с.
9. Эргис Г. У. Ньургун Боотур Стремительный. Якутск: ЯКГИЗ, 1947. 410 с.
10. Якутский героический эпос. Могучий Эр Соготох. Новосибирск: Наука, 1996. 240 с.
11. Thompson S. Motif-Index of Folk-Literature: A Classification of Narrative Elements in Folktales, Ballads, Myths, Fables, Medieval Romances, Exempla, Fabliaux, Jest-Books, and Local Legends. Bloomington: Indiana University Press, 1955-1958. 520 p.

LONELY HERO IN ORAL AND WRITTEN TRADITION OF OLONKHO: MODIFICATION OF EPIC CHARACTER

Makarov Semen Semenovich

Russian State University for the Humanities (Moscow)
others3@mail.ru

The article considers the complex of epic motifs associated with typologically the earliest type of a hero in the Yakut olonkho – Air Sogotokh hero. A comparative study of these motifs in oral and written texts of the epos suggests the modifications of its figurative system, the demythologization of a plot, the appearance of social motivation elements in the written text of olonkho, close to literary forms, and the complication of a narrative structure of the text.

Key words and phrases: epic genre; oral and written tradition; olonkho; mythologism; epic character; method of retardation; motivation of plot.

УДК 82.02

Филологические науки

В статье рассматривается образ лирической героини сборника И. Кашежевой, представленный в трех эпостах: как литературный герой, родная автору и реальная историческая личность. Исследуются стихотворения первой группы с выявлением особенностей женского образа сборника «Кебляга». Образ наделяется самостоятельностью, решительностью, независимостью, т.е. чертами, присущими характеру самого автора.

Ключевые слова и фразы: аллюзия; анафора; лирический герой; образная система; хронотоп.

Мафедзова Лина Муратовна

Кабардино-Балкарский государственный университет имени Х. М. Бербекова, г. Нальчик
linamafedzova@mail.ru

ЛИТЕРАТУРНЫЕ ГЕРОИНИ СБОРНИКА И. КАШЕЖЕВОЙ «КЕБЛЯГА»©

В 1982 году в Нальчике вышел новый сборник стихов И. Кашежевой «Кебляга» («Добро пожаловать»), который в основном отражал национальное сознание автора. В стихах периода, к которому относится сборник, ощущается резкий напряженный пульс времени и одновременно просматривается внутреннее очарование лирической героини, ее мягкость, а порой романтическая грусть. Как всякий настоящий поэт, она искала в поэзии свою собственную дорогу. Если ее ранние стихи отличались некоторым романтизмом, то в этом сборнике они стали более реалистическими и зрелыми, «являя весомость поэтического слова» [6, с. 57]. Камиль Султанов писал в статье «Инна Кашежева»: «Столь раннее развитие юной поэтессы не было случайностью. От природы одаренная девушка получила нормальное воспитание и образование, что способствовало раннему проявлению ее главного призвания. Инна Кашежева была воспитана на великих традициях Пушкина и Лермонтова» [4, с. 434]. Это высказывание ученого правильно отразило суть новаторства и традиций, которым она следовала всю жизнь. Традиционная тема любви и взгляд на женский образ обретает в лирике Инны Кашежевой новое звучание и личностное художественное осмысление. Критик из Ленинграда Владимир Веселов отмечал, что в сборнике стихов «Кебляга» «начало биографии лирической героини, то есть самой поэтессы, стало отправной точкой в формировании ее мировоззрения» [6, с. 66]. Она не ограничивала себя мотивами меланхолического романтизма, а раскрывала их в новой поэтической манере. И. Кашежева оттачивалась от собственного духовного опыта, что обновляло ее эстетическое и художественное мышление. Поэтому можно предположить, что лирическая героиня И. Кашежевой – это неповторимая личность, отстаивающая право на счастье, на любовь и свободу. Так какая же она – лирическая героиня сборника «Кебляга»?

Она представлена в трех ипостасях: как литературный герой (стихотворения «Замок Тамары», «Ромео и Джульетта», «Бэла»), родная автору (отсюда образы мамы, наны), реальная историческая личность (Мария Темрюковна). Остановимся на двух стихотворениях: «Замок Тамары» и «Ромео и Джульетта». И. Кашежева восхищалась разными поэтами, отдавая дань признательности А. Пушкину, М. Лермонтову, А. Блоку, А. Кешокову, К. Кулиеву.

Так, И. Кашежева обратилась сразу к двум героиням М. Лермонтова: Тамаре из поэмы «Демон» и Бэле из романа «Герой нашего времени», видя в них близкие для себя образы горских девушек. Несомненно, Тамара для М. Лермонтова необыкновенно хороша собой, ведь он оценивает ее как мужчина, восхищаясь ею: «Танцует княжна Тамара! Ах, как она танцует! То птицей мчится, кружа над головой маленький бубен, то замирает, как испуганная лань, и лёгкое облачко грусти пробегает по прелестному яркоглазому лицу», «на шёлковые ресницы / Сны золотые навевать...» [3, с. 172]. Женский взгляд И. Кашежевой на образ Тамары иного свойства. Она идет не от внешней привлекательности, а от глубинного смысла, от внутреннего содержания образа, объединяя в нем «Замок Тамары» и «прабабок набожных». Образ Тамары немного отходит на второй план. Автор пользуется таким изобразительно-выразительным средством как анафора, демонстрируя свой определенный эмоциональный настрой. Почти каждая новая строка начинается с личного местоимения «Я», лирическая героиня, как и сама И. Кашежева, постоянно находится не только в поиске, но и в действии: «Я ищу», «Я хочу посмотреть», «Я хочу понять», «Я знаю», «Я иду», «Я не найду» [1, с. 71]. Тамара М. Лермонтова воспринимается через детали ее внешнего образа:

То остановится, глядит –
И влажный взор ее блестит
Из-под завистливой ресницы;
То черной бровью поведет,
То вдруг наклонится немножко,
И по ковру скользит, плывет
Ее божественная ножка [2].

А для И. Кашежевой лирический образ Тамары высок, светел, практически недостижим («Каждая жалела, что она не Тамара» [1, с. 71]). Через образ Тамары женщины оценивали себя: «Отчего прабабкам набожным, / как жестокая божья кара, снился Демон...» [Там же]. И. Кашежева наделяет Тамару определенным высоким статусом, величественными чертами и загадкой, присущей каждой женщине. Поэтесса пытается разгадать тайну, скрытую за временем. Хронотоп стихотворения построен на противопоставлении вечного и сиюминутного [5]. Все, что вещественного могло остаться от замка Тамары – это руины, груда развалившихся камней («подержать камни его в руках...», «камни расскажут все» [1, с. 71]). Белый нерифмованный стих. О чем же стихотворение? О вечности и миге. О том, почему легенды о замке Тамары «живут в веках» [Там же]. В «Замке Тамары» замок – некий символ, повод для соединения прошлого с настоящим. Замок Тамары, образ Тамары становятся для автора символом горькой, несбывшейся любви. Как порушились девичьи грезы о счастливом, светлом будущем, так и рухнул некогда крепкий и мощный замок нашей героини. К сожалению, или к счастью, лишь по обломкам мы можем напомнить себе о том, что было. Они служат человеку напоминанием о красивой истории, несут в себе частичку нежной, романтической, наивной женской души лирической героини стихотворения («легенды о нем живут в веках», «их немота – / самый громкий крик / о былом» [Там же]).

В этой загадочной истории больше вопросов, чем ответов и Демон сам скрывал, по мнению И. Кашежевой, какую-то тайну, которую она непременно, хотела узнать, не смотря ни на что. Лирический хронотоп стихотворения становится шире, и здесь уже не властвует время как источник отсчета дня, ночи, годов либо столетий. То, что было давно и осталось лишь напоминанием в развалинах камней где-то далеко в горах, становится уже таким неважным, таким незначительным и мелким по сравнению с полетом мысли и фантазией автора.

Для раскрытия идеи, замысла стихотворения, значимой становится последняя строфа, которая содержит в себе вывод, итог поиска:

меня обманывал каждую ночь
вихрем летящий Демон.
Он летал не к ней [Там же, с. 72]...

В этом предложении, в многоточии, в кажущейся нелогичности заключен глубокий философский смысл – загадка Тамары и Демона так и осталась загадкой.

Совсем по-иному решается хронотоп в стихотворении «Ромео и Джульетта». В нем как бы сосуществуют три хронотопа: время / пространство «Монтеки с Капулетти», время / пространство «твоего деда» и «моей пробабки», время / пространство, в котором ты и я встречаются «на площади России» [Там же, с. 89]. Преломляя историю двух родов, рассказанную В. Шекспиром, сквозь призму истории семьи, «когда вернулся дед твой со свиданья / с простреленной ногою в стремях», «мой прадед прижимал ружье к плечу... / И самую красивую в ауле / отдали мою бабушку богачу» [Там же, с. 90], И. Кашежева осовременивает сюжет.

Две истории несчастной любви в одном стихотворении. Одна история деда и бабушки, рассказанная через рефрен («А ссоры, / как Монтеки с Капулетти, / у нас не переносят на детей» [Там же]), детали: «А дед твой по ночам кричал: «Ханифа!» / пугая нелюбимую жену» [Там же] и реминисценцию «Нет повести

печальнее на свете...» [Там же]. Другая, рассказанная В. Шекспиром, к которой постоянно обращается автор. А третья, неоконченная, о дружбе, так и не ставшей любовью:

Твои родные и мои родные
давно в мечтах соединили нас...
Для наших чувств заказаны преграды,
мы просто нашей дружбой дорожим,
мы просто не хотим, чтоб нас пугали
ночами чьим-то именем чужим [Там же, с. 91].

Так вечная история, преломляясь через многовековые время / пространство, осмысливается автором с позиции современников, наполняясь множеством смыслов и толкований:

О, да простят нам этот бунт родные!
Помянем мы заботы их добром
И встретимся на площади России
Опять и скоро.
Только вчетвером [Там же]!

Безысходность положения заключается в том, что две судьбы тесно переплелись когда-то, но так и не слились в единую. Их связывает гораздо большее, чем разъединяет. Родные, близкие, знакомые – все мечтали об их совместном счастье. Финальная строка – восклицание. Опять же И. Кашежева оставляет за своим читателем право додумать исход стихотворения. Открытый финал стихотворения таков же как и в «Замке Тамары». Образы чувств и событий смешались. Можно полагать, что это является одной из отличительных черт ее поэтики – выбор, фантазия, привлечение литературного материала, аллюзия, неоднозначная концовка. В ее поэзии, как утверждает критика, есть «пафос, жизнеутверждающая сила любви ко всему живому, одухотворенная чувствительность, гуманизм, гражданственность, любовь и уважение к культурам разных народов» [7].

Итак, каковы особенности женского литературного образа в сборнике «Кебляга»? Образная система стихотворений полностью раскрывает авторский замысел. В «Замке Тамары», в «Ромео и Джульетте» особенностью сюжета является прочная связь между давним прошлым и настоящим. И в «Замке Тамары», и в «Ромео и Джульетте» используется лишь сюжетная канва оригинала, отдельные детали. Объединяет эти два стихотворения женский взгляд на героиню из сегодняшнего дня, в котором дань уважения к женскому характеру, к женскому взгляду на мир, внимание к деталям, присутствие любви в разных ее проявлениях, но основное – любовь несбывшаяся.

Хронотоп связывается прошлым, настоящим и будущим. Можно говорить о том, что хронотоп разорван. Присутствие лирической героини демонстрируется автором по-разному: то она рассказчик («Замок Тамары»), то непосредственный участник событий («Ромео и Джульетта»). Особенностью женского образа в сборнике «Кебляга» И. Кашежевой, является ее самостоятельность, решительность, независимость – те черты характера, которые были присущи автору. И. Кашежева честна перед собой и читателем, нравственно безупречна. Обращаясь к опыту предыдущих поколений, она постигает мир во всем его многообразии. Через отдельные слова, фразы в ее лирике всегда и везде чувствуется присутствие предков. Разумеется, автор не отдалается от своего героя, а наоборот, делает его, или в нашем случае ее, более близкой для читателя.

Список литературы

1. Кашежева И. И. Кебляга. Нальчик: Эльбрус, 1982. 189 с.
2. Лермонтов М. Ю. Сочинения: в 4-х т. М. – Л.: Академия Наук СССР, 1962.
3. Марченко А. М. Сюжеты и характеры. Русская литература XIX века. М.: Олимп, 1996. 832 с.
4. Султанов К. Д., Кашежева И. Певцы разных народов. Махачкала: Дагестанское книжное изд-во, 1971. 459 с.
5. Тимофеев Л. И., Тураев С. В. Краткий словарь литературоведческих терминов. М.: Просвещение, 1985. 312 с.
6. Торогелдиева З. Н. Поэзия Инны Кашежевой. Проблемы традиций, жанров, поэтики. Нальчик, 2009. 188 с.
7. http://www.goryankakbr.ru/readarticle.php?article_id=2940 (дата обращения: 19.11.2014).

LITERARY HEROINES OF THE ANTHOLOGY BY I. KASHEZHEVA “KEBLYAGA”

Mafedzova Lina Muratovna

*Kabardino-Balkarian State University named after H. M. Berbekov
linamafedzova@mail.ru*

The article examines an image of lyrical heroine of the anthology by I. Kashezheva represented in three hypostases: as a literary personage, relative of the author and real historical personality. The paper analyzes the poems of the first group identifying the peculiarities of a female image of the anthology “Кебляга”. An image is endowed with self-sufficiency, determination, independence, i.e. the features typical for the character of the author herself.

Key words and phrases: allusion; anaphora; lyrical hero; imagery system; chronotope.